

ДВА ДНЯ В ЛИПОВКЕ

Липовка-1994

http://burdonov.ru/GALLERY/Lipovka/Lipovka_1994/index.html

1 стихотворение

Но тут я её спросил:
а бывала ли она в российской глубинке, в глуши, в деревне?
И не хочет ли она там побывать?
Неожиданно она согласилась.
Я как раз собирался ехать в свою Липовку.
Мы встретились в метро "Комсомольская" и поехали в Липовку.

Мир Липовки начинается сразу,
как только ты пересекаешь реку Мокша.
Мир Липовки начинается с воспоминания о нём.
Обычно, воспоминания — это последствие,
то, что после конца.

Но для Липовки это то, что перед началом,
как предчувствие.

Воспоминание — это взгляд издалека:
из далека пространства и из далека времени.

Картина # 1

находится в Нидерландах у Жанетт Брун,
которая провела со мной эти два дня в Липовке.

Жанетт смотрит на ту картину
и вспоминает Липовку из далёкого далека.

Я смотрю на эту пустую страницу
и вспоминаю Жанетт.

Через ту картину одна из душ Жанетт
всё ещё пребывает в Липовке.

Через эту пустоту одна из моих душ
улетает в Голландию.

Самый короткий путь в Липовку
ведёт от Мокши к Старице
вдоль соединяющей их речки Панинки,
заросшей деревьями и кустами ежевики и чёрной смородины.
Раннее утро.
Деревня ещё не видна.
Только светло впереди.

Первый день —
прогулка вдоль Чёрного озера.
Это самый потаённый, скрытый, тёмный и влажный
полюс мира Липовки.
Это её женское начало *инь*.
И даже деревья на берегу Чёрного озера
кажутся темнее, и мягче, и округлее, и гуще,
и неподвижнее.

Деревья отделяют Чёрное озеро от лугов.
Светлая пустота лугов — это дом ветра.
И деревья — его стены.
Луга вдоль Чёрного озера
в глубине трав своих
хранят влажнолюбивые тёмные цветы.
Тёмно-синие,
почти фиолетовые цветы —
дети Чёрного озера —
сразу и неприметны,
прячутся
от великого, светлого, высокого неба лугов.

Маленький пруд на лугу.
Зарос травой, укрыт деревьями.
Тёмный маленький пруд.
Чёрное озеро — великое *инь* Липовки,
маленький пруд — малое *инь* Липовки.

Маленький пруд неподвижен:
спокойна его вода,
спокойны травы,
спокойны ветви деревьев.
Но это живой покой,
в глубине которого предощущается
напряжённость чувства.
Сколь велика прелесть малого покоя!
Так маленькая тихая женщина
кажется женственнее в видимом отсутствии страсти:
невидимость и отсутствие возбуждают сильнее,
чем явленность и открытость.
Тайна притягивает, истина отталкивает.

Первый день в Липовке завершается закатом.
Долгим-долгим закатом дня.

Он начинается слабыми сумерками
и краснеющими облаками над вершинами леса,
когда деревья ещё светлы
и травы лугов ещё сухи.

Закат разгорается на той стороне Старицы.
Чернит ближайшие деревья.
Расцветивает облака причудливыми красками.
Небо приходит в движение —
оно будто летит вслед уходящему солнцу.
И рыбак в лодке забывает поглядывать на поплавок.

Небесный огонь ярче всего перед темнотою ночи.
Будто для того, чтобы погрузиться во мрак,
миру нужны особо яркие краски
и особо фантастические сочетания их.
Вспышка света — это начало тьмы.
Энергия света пронзает мир и наступает ночь.

И уже в воспоминании,
как в инерционном вИдении зрительного нерва,
видЕние последнего мига заката
завершает долгий
летний
день
Липовки.

И на картине юго-восточной,
противоположной закату,
стороны Старицы,
на картине, которая рисовалась раньше,
перед закатом,
когда ветер ещё не стих,
но травы уже увлажнились вечерней росой,
на картине вдруг появляется отблеск заката.
Может быть,
это случилось потому, что эта картина,
не сохнувшая во влажном вечернем воздухе,
порывом ветра склеилась с картиной заката.
А может быть,
это сам закат нашёл своё отражение
в невидимом зеркале на противоположной стороне неба.
Так, или иначе первый день отошёл в ночь.

Второй день в Липовке начинается восходом.
Долгим-долгим восходом солнца в туманах земли.
Ещё небо темно, но деревья будто почувствовали
подступающее пробуждение.
Неподвижность их ветвей как будто только ждёт
первого дуновения ветра,
чтобы превратиться в движение.

Утренняя заря спокойнее, мягче, нежнее вечерней.
Как будто женское существо ночи
податливо уступает мужскому дню.
Или как будто утро,
предчувствуя будущую светлость
и яркость зрелого дня,
не торопится и растягивает
удовольствие
рождения.

Каждое дерево встречает солнце по своему.
Одно — чернеет от его лучей,
будто не хочет расставаться с ночным сном.

Другое дерево — будто растворяется в воздухе света
и достигает почти прозрачности,
почти таят его стволы,
ветви
и листья.

В рощах
утро наступает позже.
Здесь ещё прячутся тени ночи,
бледнея,
серея.

Зато в лугах
ветер разносит свет по всему небу
и разбрасывает его по всем просторам.
Здесь уже день.

Второй день —
прогулка к дальним холмам, горам Липовки.
Горы начинаются с воспоминания о горах.
Эта картина — игра воображения.
В пространстве памяти горы вытянуты по вертикали,

они показывают, сколь велико расстояние от земли до неба.

Приближаясь к горам,
чувствуешь подъём воздуха.
Ты ещё у подножия,
но высота вершин будто облегчает твой вес
и подтягивает вверх.

Не знаю, что больше волнует на вершине:
близость неба,
даль горизонта
или одинокость сосны?
Даже ветер
с трудом перелетает через вершину:
он мягок, будто устал.
Когда смотришь на верхушку дерева,
стоящего на вершине горы,
кружится голова от одиночества
высоты.

У подножия деревьев на макушке горы
особенно напряжённый покой.
Корни и нижние сухие ветви создают уют
и приглашают к отдыху.
Но это странный уют над миром и отдых
влечётся к забвению и тянется стать вечным.

Горы Липовки — её великое начало *ян*.
Здесь небо не только вверху, но и внизу.
Здесь светлеют травы.
Здесь сохнет дерево.
Сухое дерево, подобное остывшему пеплу, —
это великий покой на полюсе *ян*.
Жизнь рождается внизу,
даже ниже земли —
в тёмной воде.
Жизнь завершается вверху,
близость неба — это близость смерти.
Поэтому каждое дерево на вершине —
одинокое.
Каждое облако в небе —
тает.
Каждый порыв ветра —
на излёте.

Сколь странно на вершине гудение шмеля
и полёт бабочки над цветами!
Или бабочка — это кто-то спящий?

Покидая вершину, будто прощаешься навсегда.
Каждый раз рождается ощущение невозможности возвращения.
Но и в самом деле: возможно ли возвращение?
Вершина — это место вне времени.
И даже вне пространства:
это не небо,
это не земля.
Уходя,
будто
стираешь
существование.

И вот уже последней картины здесь нет —
она тоже в Голландии.
На неё смотрит Жанетт и видит себя на вершине горы.
А Жанетт на вершине горы смотрит в другую сторону.
А я вижу пустую страницу.
Два дня прошли.
Мир Липовки покинут.
В пустоте — лишь смутность будущего
и пред-желание
встречи
в
нём.